

Русские либералы о Первой мировой войне

Валентин Шелохаев, Кирилл Соловьёв

Первая мировая война, проложившая грань между историческими эпохами, сразу же оказалась в эпицентре мировой и отечественной общественной мысли. И в Западной Европе, и в России интеллектуалы пытались осмыслить природу этой катастрофы, унёсшей миллионы человеческих жизней и разрушившей как будто бы вечные империи. К проблемам Первой мировой войны было приковано внимание выдающихся русских философов, учёных с мировым именем, известных политиков, в том числе и разделявших либеральные взгляды. Цель настоящей статьи – охарактеризовать систему их аргументации по данному вопросу.

В первые дни войны русские либералы, впрочем, как и многие другие, не скрывали своего ликования, радужной веры и надежды. «Живу, как все, как и Вы, потрясённый, умилённый, смущённый, возрадованный. Никогда Родина не переживала такого брачного часа, никогда ещё народ не познавал так своего Царя, а царь своего народа», – восторженно писал философ и общественный деятель С.Н. Булгаков А.С. Глинке 3 августа 1914 г.¹ Казалось, Россия пережила подлинное «обновление» и её ждали большие победы, причём не только военные². «Так важно и радостно, что авторитет современного германизма рухнул! – подчёркивала 2 сентября 1914 г. М.К. Морозова в письме кн. Е.Н. Трубецкому. – Меня страшно захватывает и воодушевляет сознание, что на этих развалинах так возможно и благоприятно водрузить знамя настоящей, истинной религиозной русской культуры»³.

В представлении либералов, август 1914 г. действительно стал концом одной исторической эпохи и предвестником другой. «Бесчисленны и непредвидимы последствия войны, даже великие последствия войны, зло и добро сплетётся в них, ибо война так широко захватила безбрежные массы людей и так глубоко задела жизненные функции народов и государств, что едва ли не все причинные нити, связующие прошлое с грядущим, оказались задетыми ею, пройдут сквозь неё, а, следовательно, всё грядущее будет в ней иметь свои корни, – и добро, и зло, которое нам предстоит сделать или испытать», – писал публицист, член партии кадетов Г.А. Ландау⁴. Гуманистическая европейская культура уходила в прошлое; её заменило время холодного рационалистического расчёта, внедрения новейшей техники и технологии, вытесняющей человеческую личность на периферию⁵. Война меняла социально-культурный облик Ев-

---

© 2014 г. В.В. Шелохаев, К.А. Соловьёв

¹ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 585.

² Там же. С. 589.

³ Там же. С. 592.

⁴ Ландау Г.А. Сумерки Европы. Берлин, 1923. С. 18.

⁵ Там же. С. 19.

ропы. Теряя своих бойцов, она становилась более женской и более молодой⁶. Помимо этого, Европа, вкусив «яд ненависти», ещё долгое время не смогла бы стать единой, – прогнозировал Ландау⁷. В итоге непременно должны были измениться представления о норме жизни, норме поведения⁸. Европа утрачивала своё лицо, а вместе с ним и мировое значение, передав лидерство соседям с Востока и Запада. «Мировые судьбы ещё решаются на полях Европы, но они решаются уже при участии внеевропейских сил. И результатом решения будет то, что поля Европы сохранят лишь местное значение»⁹.

Русские либералы пытались найти ответ на непростой вопрос: как переломная и культурная Европа решилась на столь роковой шаг? При этом они оказались перед неразрешимой для них проблемой. По преимуществу будучи рационалистами, либералы смутно ощущали конец той эпохи, которая безусловно верила в торжество человеческого разума. Характерно, что ещё задолго до О. Шпенглера они диагностировали кризис европейской цивилизации. Тем не менее они продолжали убеждать себя и других, что в новые, послевоенные времена окончательно утвердятся *ratio* в мире и это будет способствовать пробуждению в человеке, по образному выражению Н.А. Бердяева, пока ещё «дремлющих сил»¹⁰.

По оценке Бердяева, иррационализм войны, как это не парадоксально, логически вытекал из рационализма прежней эпохи, когда тотальный эгоистический расчёт и стремительно распространяющийся «мещанский дух» последовательно подготавливали будущую катастрофу. Европа, – считал Бердяев, – уже давно «превратилась в огнедышащий вулкан, прикрытый поверхностным и обманчивым покровом мирной буржуазной жизни. Европейский мир был лживый, иллюзорный мир, за ним скрывалась иступлённая вражда и ненависть, отвратительная корысть. Мир охранялся милитаризмом, который, как вампир, сосал кровь народов». Глубинные противоречия европейской жизни обусловили «странный парадокс: европейский мир означал царство милитаризма, и лишь война могла быть освобождением от его невыносимого ига»¹¹.

Размышления Булгакова были близки бердяевским, хотя в определённой мере оказались даже более радикальными¹². Так, он беспощадно критиковал мещанство европейской жизни, которая «есть постоянная угроза и изнанка высокой цивилизованности»¹³. Мещанство – это обмирщение ценностей, морали и представлений об исторической миссии государства и нации, которая под влиянием «духа эпохи» неминуемо начинала заботиться о физическом подавлении соседей. По его мнению, Германия была в полном смысле этого слова мещанской страной, заражённой идеями «лжемиссианизма»¹⁴. Эта жёсткая булгаковская оценка стала развитием идей русского философа В.Ф. Эрна, согласно которым историческая судьба Германии – движение

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 30–31.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ *Бердяев Н.А.* Падение священного русского царства: Публицистика, 1914–1922. М., 2007. С. 271.

¹¹ Там же. С. 244.

¹² *Взыскующие града...* С. 644.

¹³ *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 2009. С. 382.

¹⁴ Там же. С. 398.

«от Канта к Круппу», т.е. от категорического императива к безграничной вере во всё побеждающее насилие¹⁵.

Европа в лице Германии, – утверждали либералы, – пришла к самоотрицанию. Её созидательная деятельность последних двух столетий обернулась кровопролитной войной. Размышляя над вопросом, поставленным ещё А.И. Герценом: откуда в Европе взялся «Чингисхан с телеграфами?», С.Л. Франк считал, что ответ на него следует искать в постижении «существа германского духа». В логике этого поиска важно было также понять: «Как народ мечтателей и мыслителей стал народом 16-дюймовых мортир?... Ведь чудовищная техника немецкого милитаризма есть сама плод напряжённой мечты и мысли целого народа»¹⁶. В Германии, по мнению Франка, произошла своего рода подмена: «вместо царства духа и свободы», о которых мечтали Кант и Шиллер, конечной целью стало «военное и хозяйственное могущество». В свою очередь, эта перемена коренным образом изменила характер «мечтаний и мыслей»: немцы стали практичными. Однако и в этой новой форме продолжали действовать «те же силы ума и духа, что и в идеальном типе прошлого». «Военное могущество немцев, – продолжал Франк, – не могло быть осуществлено без огромного напряжения нравственной воли нации». Обращая внимание на организацию всей Германии «как бы в единый гарнизон крепости», русский философ подчёркивал, что «немецкие успехи суть “успехи категорического императива” Канта – живые образцы того, на что способна нация в самом отчаянном, опасном положении, когда она действительно хочет осуществлять то, что она считает своим долгом»¹⁷. Немцы, – утверждал Франк, – действуют по принципу: интересы нации «суть верховная, высшая инстанция, перед которой должен склониться всякий “закон” – нравственный и правовой»¹⁸. Все их действия были подчинены идее целесообразности. В результате в Германии возникло «сочетание высокой духовной культуры с духовной варварской первобытностью». Немецкая практичность и культура оказались «привитыми» к «крепкому и грубому стволу основной физико-психической энтелехии германской нации»¹⁹. Германия уверенно шла к мировой войне, которая должна была, наконец, «смыть» «плесень» европейского мещанства.

Военное противостояние должно было «разрядить злые страсти», в результате чего «зло дойдёт до самоизобличения и самоотрицания». В этом, по мнению либералов, состояла диалектика мирового конфликта. Бердяев писал: «Война – страшное зло, но не только зло, она двойственна, как и многое на свете. В войне выковывается характер народов, крепнет мужество духа, её испытания и жертвы полагают предел изнеженности и размягчённости, буржуазной сытости и спокойствию, личному и семейному эгоизму. Но существеннее всего то, что мировая война должна показать народам невозможность войн». Т.е. подлинно большая война должна была стать последней войной²⁰.

Сражаясь за новую Европу, Россия, по мнению либералов, должна была приобрести новое качество. По мнению Булгакова, окончание мирового конфликта стало бы внутренним преображением для страны – «новым великим

¹⁵ Взыскующие града... С. 597.

¹⁶ Франк С.Л. Духовная сущность Германии // Русская мысль. 1915. № 10. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 11–12.

²⁰ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 247.

этапом в истории русского самосознания»²¹. В этой войне Россия должна была себя почувствовать подлинно европейской державой, занять, наконец, лидирующие позиции и способствовать решению задач, стоявших перед всем европейским континентом. «Мы, – писал Франк, – должны понимать эту войну не как войну против национального духа нашего противника, а как войну против злого духа, овладевшего национальным сознанием Германии, и тем самым, как войну за восстановление таких отношений и понятий, при которых возможно свободное развитие всеевропейской культуры во всех её национальных выражениях... Война идёт не между Востоком и Западом, а между защитниками права и защитниками силы, между хранителями святынь общечеловеческого духа, в том числе и истинных вкладов в него германского гения, и его хулителями и разрушителями. Лишь в этом сознании можно обрести истинное оправдание великой европейской войны»²².

Как будто бы совсем на другом «языке», не стгущая апокалипсических красок, а в действительности о том же самом писал А.С. Изгоев. По его мнению, перед Россией стояли две диалектически связанные проблемы. Во-первых, следовало сокрушить германский милитаризм, во-вторых, осуществить коренные внутренние преобразования. Выполнение этой двуединой задачи позволило бы осуществить «демократизацию человеческой жизни, облегчить положение низших классов». Война стала моментом истины для Европы, для России, для всех идеологических конструкторов предыдущих лет. Например, для социализма. Ведь прежде социал-демократы дружно заявляли, что «пролетариат не допустит европейской войны». А теперь «все социал-демократы стали националистами. Социалистическая идея обанкротилась». И всё же в годы войны в социально-экономической и в политической сферах стали весьма ощутимы значимые подвижки: «человечество идёт к строю демократическому, к хозяйству союзному, к ослаблению социальных неравенств»²³.

Несмотря на разразившуюся войну, русские либералы с оптимизмом смотрели в будущее. Прежде намеченный ими общественный идеал не ставился под сомнение. Оставалось разрешить парадокс: как могло случиться, что всё более рационализировавшаяся Европа ввязалась в пагубное для неё противостояние? П.Н. Милюков детально проанализировал мотивы ведущих политических сил Германии, развязавших войну. Они действовали вполне рационально, защищая свои частные интересы. Однако их резоны, собранные воедино, представляли собой неподконтрольную стихию, которая несла Германию, да и всю Европу к войне. «В громадных размерах борющихся факторов, – подчёркивал Милюков, – тонут отдельные индивидуальные ошибки, капризы, даже политическая мудрость и дипломатическое искусство. Констатируя это, мы не боремся против прав разума; мы, напротив, лишь признаём, что разум до сих пор недостаточно управлял миром, и что расчёты целесообразности были лишь тонким поверхностным покровом, который разорвался и сдвинулся в сторону перед стихийной мощью элементарных инстинктов»²⁴.

Русские либералы мыслили не только онтологически, но и юридически, облекая всякую, пускай даже абстрактную мысль в конкретную, готовую к прак-

---

²¹ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 412.

²² Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 198.

²³ Изгоев А.С. На перевале. Перед спуском // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 163.

²⁴ Милюков П.Н. Происхождение войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг., 1915. С. 42.

тической реализации форму. Если прежняя система международных отношений не уберегла Европу от мирового кровопролитного конфликта, её следовало преобразовать, надеясь, что в своей новой редакции она будет способствовать утверждению права. Развивая эту мысль, барон С.А. Корф сформулировал ряд базовых положений.

Прежде всего, речь должна была идти о создании в будущем «такого международного правопорядка, который не зависел бы от воли отдельных участников общения, который обеспечивал бы рост международных отношений в области права, параллельно с колоссальным развитием социальных и экономических взаимоотношений культурных народов, и гарантировал бы этим новый международный правопорядок от внешних и внутренних нарушений, и не только в тихое, мирное время, но и в бурное – военное»²⁵. Если же международному сообществу не удалось бы предотвратить вооружённый конфликт, то международное право, подчёркивал С.А. Корф, должно было стремиться хотя бы внести «принципы гуманности в способы и приёмы ведения войны, путём охраны раненых и больных, военнопленных и некомбатантов, запрещением или препятствованием наиболее варварских способов истребления врага и т.д.»²⁶.

Корф доказывал несостоятельность германского законодательства, признававшего международное право лишь «постольку, поскольку» и считавшего, что государство «свободно от международных обязательств». Он настаивал на создании такой системы международных норм, которая бы ограничила «государственное всемогущество». Её структурными элементами могли бы стать международные мирные конференции, институт нейтральных государств, международные суды, ограничение применения определённых видов вооружения, разработка правовых норм ведения сухопутной и морской войны. Подводя итог своим размышлениям, Корф советовал государственным деятелям будущего озаботиться созданием подобных институтов, которые могли бы стать барьером на пути развязывания новой мировой войны²⁷.

Ф.Ф. Кокошкин шёл дальше, предвидя существенное преобразование будущей Европы. По его мнению, Первая мировая война – это ещё и прямое столкновение английского и немецкого порядка. Автор не скрывал своих антипатий к последнему, так как, по его оценке, могущество Германии зиждилось исключительно на силе. Англичане строили свою империю иначе: на прочном политическом объединении государств, сохранявших свою внутреннюю самостоятельность. «Внутри Британской империи, – отмечал Кокошкин, – можно наблюдать не только различные формы государственного устройства, но и различные виды сложных государств. Австралия и Канада представляют собой федерации, состоящие из штатов, и внутреннее устройство южной Африки тоже близко подходит к федеративному. Некоторые крупные колонии, как, например, Австралия, имеют владения, подходящие под тип колониальных, и в числе таких зависимых владений есть даже одна маленькая федерация»²⁸. Кокошкин отмечал и «величайшее разнообразие содержания политической жизни» Британской империи. «И всё это огромное и пёстрое разнообразие государственных форм, законодательств, обычаев, нравов, систем управления, –

---

²⁵ Корф С.А. Международное право в современной войне // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 508.

²⁶ Там же. С. 508–509.

²⁷ Там же. С. 531.

²⁸ Кокошкин Ф.Ф. Англия, Германия и судьбы Европы. М., 1918. С. 30.

подчёркивал автор, – совмещается в пределах одного сложного политического целого. И в критический момент великой международной борьбы это целое не только сохраняет, но и увеличивает свою внутреннюю сплочённость»²⁹. А самое важное, по мнению Кокошкина, это то, что английский и немецкий правопорядок эволюционировали в противоположных направлениях: «Германия шла от равенства к гегемонии, от германского союза и индивидуализма 1848 г. к военной олигархии. Британская империя, напротив, идёт от гегемонии к равенству»³⁰. Соответственно, германский тип организации Европы вёл к милитаризму и войнам, британский тип – к международному миру. Он представлял собой «наилучший фундамент для здания организации Европы, построенного на начале равноправия народов, иначе говоря – для здания будущей европейской конфедерации»³¹.

Рассуждения о перспективах международного права и европейской федерации не должны вводить в заблуждение. Русские либералы обсуждали проблемы внешней политики на языке своего времени, отнюдь не отрицая значение военной силы и геополитических раскладов. С их точки зрения, «вечный мир» едва ли был достижим, а временный требовал принципиально иной расстановки сил на европейском континенте. Иначе говоря, с неизбежностью вставал вопрос о переделе границ, который бы позволил России занять иное, более значимое место в Европе. Многие представители либеральной мысли делали акцент на «призе» войны, который должна была получить Россия в случае её победоносного завершения. На необходимости присоединения проливов и Константинополя настаивал и С.А. Котляревский, считавший, что решение этой вековой проблемы означает торжество «русского империализма», выводящее страну на широкий путь мировой истории³².

В наиболее концентрированном виде территориальные притязания либеральной оппозиции нашли отражение в двух программных статьях П.Н. Милокова «“Нейтрализация” Дарданелл и Босфора» и «Территориальные приобретения России». Их можно свести к следующему: присоединение к России и объединение в этнографических границах «русских народностей» Галиции и Угорской Руси; освобождение и объединение Польши, предоставление ей автономии в составе Российской империи; приобретение в «полное обладание» Россией Константинополя и проливов Босфор и Дарданеллы с «достаточной частью прилегающих берегов»; объединение под протекторатом России армянских земель³³. Из всей совокупности территориальных притязаний центральное место занимал вопрос о черноморских проливах и Константинополе. Либералы доказывали, что их приобретение не противоречило освободительным целям войны и не могло быть «приравнено» к империализму в отрицательном смысле этого слова.

Решение этих внешнеполитических задач должно было укрепить стратегические позиции России в мире, усилить её экономическое и политическое могущество, а также защитить интересы малых, прежде всего славянских народов и

---

²⁹ Там же. С. 30–31.

³⁰ Там же. С. 31.

³¹ Там же. С. 25–26.

³² Котляревский С.А. Россия и Ближний Восток // Русская мысль. 1914. № 11. С. 157.

³³ Милоков П.Н. Территориальные приобретения России // Чего ждёт Россия от войны. Пг., 1915. С. 53–65; он же. Нейтрализация Дарданелл и Босфора // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 548.

тем самым покончить, по выражению Милюкова, «с господством сильного над слабым». По мнению либеральных теоретиков, Россия вместе с другими странами Антанты должна была осуществить освободительную миссию, открыв путь к принципиально иной международной организации Европы.

«Тотальная война» имела очевидное для всех экономическое измерение. Соответственно, по её окончании должен быть решён и комплекс хозяйственных проблем: освобождён от «германского засилья» внутренний рынок, ликвидирована германская посредническая торговля, пересмотрен русско-германский торговый договор. В статье М.И. Туган-Барановского «Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии» сформулирована проблема адаптации разных типов экономики к условиям мировой войны. Исходя из общей посылки, что «всякая война не может не вызвать глубоких расстройств народного хозяйства», автор выделил два рода факторов, которые самым непосредственным образом влияли на состояние разных типов народнохозяйственных организмов. Во-первых, «финансирование войны требует очень крупных расходов со стороны воюющего государства – народное хозяйство соответствующей страны должно тем или иным способом покрыть эти расходы путём соответствующего вычета из народного богатства». Во-вторых, война приводит к нарушению внутреннего и международного обмена, вызывает «потрясение кредитного механизма», ведёт к «отвлечению рабочих сил страны от производственных функций», сокращает производство. По оценке Туган-Барановского, эти два фактора по-разному проявлялись в странах с различными типами экономики. Там, где был хорошо развит промышленный сектор (Германия и Англия), издержки войны покрывались легче, чем в государствах с господствовавшим аграрным хозяйством. Однако в последних разрушительные действия войны оказывали меньшее влияние на расстройство их денежного обмена³⁴.

На основании этих теоретических посылок и анализа большого статистического материала автор пришёл к следующему выводу: экономика Германии и Англии в большей степени пострадает от войны, чем экономика России. Конечно, война должна была отразиться и на российской промышленности, что, в частности, к 1915 г. уже проявилось в изменении условий вывоза товаров за границу; ввоза иностранных товаров; в сфере кредитования, внутреннего транспорта, рабочего рынка и внутреннего спроса³⁵. И всё же это не привело к разрушению «народнохозяйственного организма» России, которая «может вести войну годами». Общий вывод Туган-Барановского сводился к следующему: «Мы можем с полной уверенностью утверждать, что война не нанесла тяжёлых ударов нашему народнохозяйственному организму, который переносит тяжесть войны без расстройства своих основных жизненных функций, сохраняя всю свою жизнеспособность и составляя в этом отношении разительный контраст с тем, что мы видим в Германии»³⁶.

В статье М.И. Фридмана «Война и государственное хозяйство России» та же проблема рассмотрена под иным углом зрения. Автор задался целью проанализировать состояние государственного бюджета и наметить пути его пополнения в связи с отменой винной монополии. Он предлагал реализовать ряд мер (введение подоходного налога, налога с наследств), которые хотя бы отча-

---

³⁴ Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 320–321.

³⁵ Там же. С. 298.

³⁶ Там же. С. 324.

сти могли смягчить сложную финансовую ситуацию. Вместе с тем Фридман самым решительным образом высказался против расширения разного рода государственных монополий, сужающих «круг выгодных занятий для населения, способствующих увеличению власти над отдельными гражданами, прибавляя к политическому господству экономическое, что может иметь вредные и политические, и экономические, и социальные последствия»³⁷. По мнению автора, причина несовершенства финансовой системы России «находится не столько в субъективных условиях отсутствия таланта и доброй воли у руководителей финансового ведомства и даже не в тормозах социально-политического характера, а гораздо глубже, в объективном положении вещей в сфере народного хозяйства». Поэтому на первое место в качестве основной стратегической задачи экономического и финансового развития России должно было встать «развитие производительных сил страны и поднятие народного благосостояния»³⁸.

Той же логики придерживался А.И. Шингарёв, наметивший обширный план реформирования финансово-экономической системы в послевоенный период. Помимо магистральной задачи – подъёма производительных сил России – он предлагал «создавать новые источники доходов, используя беспредельные дремлющие богатства страны, вызывая к жизни новую промышленность, новые лесные, горные, фабрично-заводские предприятия, расширяя добычу угля, нефти, металлов, увеличивая выработку и производство бесчисленного множества химических и механических изделий, эксплуатируя движущую силу воды и создавая новые источники дешёвой энергии». Для использования «громдных спящих богатств нашей родины» Шингарёв настаивал на необходимости широко привлекать иностранный капитал. Для развития производительных сил необходимо было привлечь науку, повысить уровень образования в стране, что позволило бы «выявить новые творческие силы свободного русского народа, вооружить его техническими сведениями и научным опытом»³⁹. По мнению Шингарёва, важным стимулом к развитию производительных сил страны должно было стать «разумное, планомерное и закономерное разрешение земельного вопроса в интересах трудящихся земледельцев, соединённое с широкой государственной помощью повышению уровня сельского хозяйства и увеличению производительности сельскохозяйственного труда»⁴⁰.

Обсуждая экономические проблемы, либералы непременно касались вопросов развития науки. В большей степени это было характерно для учёных, весьма многочисленных в руководстве партии кадетов. По мнению В.И. Вернадского, Первая мировая война по своим последствиям была явлением даже более масштабным, чем Французская революция 1789 г. По сути, она открывала собой новую эпоху «величайшей научной революции», стимулируя развитие, прежде всего, естественных и технических исследований, ориентированных на разработку новых типов вооружений. Это должно было изменить всю систему организации науки, а также породило новые отрасли знания. Вернадский отмечал, что после окончания Первой мировой войны и победители, и побеждённые должны будут направлять «свою мысль на дальнейшее развитие научных применений к военному и морскому делу»⁴¹. А если это так, то «новая война

---

³⁷ Фридман М.И. Война и государственное хозяйство России // Там же. С. 392–393.

³⁸ Там же. С. 396.

³⁹ Шингарёв А.И. Финансы России во время войны. Пг., 1917. С. 26–27.

⁴⁰ Там же. С. 27.

⁴¹ Вернадский. В.И. Война и прогресс науки // Чего ждёт Россия от войны. С. 69–70.

встретится с такими орудиями и способами разрушения, которые оставят далеко за собой бедствия военной жизни 1914–1915 годов». Чтобы избавить человечество от этой дурной бесконечности, Вернадский считал необходимым немедленно приступить к организации «охранительной работы научной мысли». Суть вопроса сводилась к тому, чтобы объединить усилия научных организаций и отдельных учёных и направить их на «защитительную работу» против «разрушительных сил войны». По его мнению, следовало попытаться «противопоставить разрушительным созданиям человеческой воли и мысли такие технические средства защиты, которые были бы неуязвимы для оружия или которые делали бы ничтожными и малочувствительными результаты разрушительной военной техники»⁴². Иными словами, наука должна работать не только на армию, но и на общество.

Отмечая важность политических и правовых методов разрешения международных конфликтов, Вернадский подчёркивал, что наряду с ними наука также должна была стать «мировой культурной силой», способствующей развитию и укреплению международных отношений. Говоря об общечеловеческом и интернациональном характере науки, Вернадский призывал мировое учёное сообщество активно включиться в борьбу против милитаризма⁴³.

Если экономисты так или иначе выходили на проблемы науки, то учёные-естественники – на вопросы экономики. Так, Вернадский не уставал говорить о решении важнейшей научной задачи: произвести учёт производительных сил России. «Мы, – писал учёный, – должны знать, что имеется в недрах и на поверхности нашей страны, должны уметь их технически использовать. И то и другое невозможно без самого широкого научного исследования и без большой, частью предварительной, исследовательской работы»⁴⁴. Поэтому было крайне важным, чтобы государство и предприниматели включились в финансирование науки. Намечая перспективу её развития в послевоенный период, Вернадский утверждал: «После войны 1914–1915 годов мы должны привести в известность и в учёт естественные производительные силы нашей страны, т.е. первым делом должны найти средства для широкой организации научных исследований нашей природы и для создания сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов, которые дадут опору росту нашей творческой силы в области технического использования данного нам природой богатства. Это не менее необходимо, чем улучшение условий нашей гражданской и политической жизни, столь ясно сознаваемого всей страной»⁴⁵.

Русские либералы пытались разглядеть за текущей и не всегда приглядной военной повседневностью контуры послевоенной России, наметить, каждый в своей сфере, пути её общественного переустройства. С победоносным исходом Первой мировой войны они связывали дальнейший духовный, политический, экономический, научный и культурный прогресс страны, укрепление её международного положения. Угадывая смутные образы будущего, либералы терялись, прогнозируя завтрашний день. В самом начале войны либеральная оппозиция как единое целое высказалась в поддержку правительства. Так, выступая 26 июля 1914 г. с трибуны Государственной думы, лидер кадетской фракции Милюков со всей определённостью заявил: «В этой борьбе мы все за одно: мы не ставим условий и требований: мы просто кладём на весы борьбы

---

⁴² Там же. С. 71.

⁴³ Там же. С. 78.

⁴⁴ Там же. С. 78–79.

⁴⁵ Там же. С. 79–80.

нашу твёрдую волю одолеть насильника»⁴⁶. Подобного рода оптимистические прогнозы как раз базировались, с одной стороны, на убеждённости в том, что война будет кратковременной, а с другой – на отсутствии полной и достоверной информации о готовности России к войне. Позиция Милюкова в начальный период войны всецело разделялась представителями всех направлений и течений в русском либерализме.

Однако после поражений русской армии и нарастания недовольства в обществе ситуация в либеральных кругах стала меняться. Оптимистические ожидания сменялись противоположными, авторитет власти неуклонно падал. «Одним из крупнейших фактов является дезорганизация и деморализация власти – и увы! – падение, кажется, почти окончательное, престижа монархии, в котором виноват в данном случае не кто иной, как её глава», – писал Булгаков 11 октября 1915 г.⁴⁷ В письме от 14 февраля 1916 г. кн. Е.Н. Трубецкой делился своими петроградскими впечатлениями с М.К. Морозовой: «Здесь настоящее ощущение ада. Тут только я как следует понял, что такое Распутин, и убеждён, что это настоящий, хотя и не самого крупного размера чёрт и антихрист. Им всё отравлено, и берёт мистический ужас»⁴⁸. Как раз на фоне этих настроений в Думе возник Прогрессивный блок. Подавляющее большинство его членов некоторое время считало вполне достаточным ограничиться выдвижением лозунга «министерства общественного доверия». Оно включало бы, с одной стороны, умеренных представителей оппозиции, а с другой – либерально ориентированных бюрократов. Лозунг «министерства общественного доверия» как будто бы не предусматривал радикального политического переворота. Формирование нового кабинета должно было стать лишь «ступенькой» к созданию уже ответственного министерства. Конечно, нашлись и более радикальные представители блока: например, И.Н. Ефремов и А.И. Коновалов. Они считали выдвинутый лозунг недостаточным и настаивали на немедленном создании ответственного министерства. По их мнению, только это и соответствовало общественным настроениям в стране. Наконец, некоторые либералы (например, А.И. Гучков) делали ставку на дворцовый переворот. Эта дискуссия продолжалась вплоть до Февральской революции.

Осенью 1916 г. конфликт между исполнительной и представительной ветвями власти достиг точки кипения. Милюков, выступая с думской трибуны 1 ноября 1916 г., заявил: «Мы говорим этому правительству, как сказала декларация блока: мы будем бороться с вами; будем бороться всеми законными средствами до тех пор, пока вы не уйдёте... Вы спрашиваете, как же мы начинаем бороться во время войны? Да ведь... только во время войны они и опасны. Они для войны опасны, и именно поэтому во время войны и во имя войны, во имя того самого, что нас заставило соединиться, мы с ним теперь боремся»⁴⁹. Своей речью Милюков задал тон для всех последующих думских выступлений ведущих лидеров либеральной оппозиции И.Н. Ефремова и В.А. Маклакова (3 ноября). Так, В.А. Маклаков говорил: «Мы заявляем этой власти: либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна»⁵⁰. Именно в эти ноябрьские дни

---

⁴⁶ Оранжевая книга. Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 года. Историческое заседание Государственной думы 26-го июля 1914 г. СПб., 1914. С. 85.

⁴⁷ Взыскующие града... С. 653.

⁴⁸ Там же. С. 657.

⁴⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчёты. Пг., 1917. Стб. 48.

⁵⁰ Там же. Стб. 135.

1916 г. лозунг создания «ответственного министерства» стал уже общим лозунгом всей либеральной оппозиции.

Однако «парламентский штурм» не принёс очевидных результатов. К началу 1917 г. лидеры либеральной оппозиции осознали своё бессилие изменить ход политических событий в стране. В то время, когда требовалась решительная воля к активным действиям, они, по признанию Милюкова, вообще упустили из своих рук «руководство событиями». Либералам уже ничего не оставалось делать, как продолжать вести словесную борьбу с правительством в стенах Таврического дворца и ждать того времени, когда «осенит» Николая II, и он даст согласие на созыв ответственного министерства.

Русские либералы так и не нашли выхода из «безвыходного положения», обрисованного В.А. Маклаковым ещё осенью 1915 г.: нельзя вырывать руль у безумного шофёра, пока он вас везёт по горному серпантину, но можно ли довериться ему, рискуя жизнью своей и своих близких? «Как бы вы ни были и ловки, и сильны, в его руках фактически руль, он машиной сейчас управляет, и один неверный поворот, или неловкое движение этой руки, и машина погибла. Вы знаете это, но и он тоже знает. И он смеётся над вашей тревогой и вашим бессилием; “не посмеете тронуть!”»⁵¹.

Российский либерализм периода Первой мировой войны, представленный ярчайшими мыслителями того времени, был системен и последователен в проектировании будущего страны. Русские либералы провозгласили конец прежней эпохи, но «мерили» новую категориями старой. Они разочаровались в человеческом разуме, но продолжали делать на него ставку. В годы войны они поставили проблему иррационализма исторического процесса, но не смогли для себя её разрешить. Им оставалось прогнозировать, исходя из опыта довоенных лет, как будто бы не замечая, что социальный и политический ландшафт России (да и всей Европы) радикально изменился.

---

⁵¹ *Маклаков В.А.* Трагическое положение // Русские ведомости. 1915. 27 сентября. № 221.

Антивоенная деятельность российских анархистов (1914–1917 гг.)

Дмитрий Рублёв

Начало Первой мировой войны заставило политические партии и движения России определить собственную позицию и действовать в соответствии с нею при решении практических задач. Не были исключением и анархисты¹.

© 2014 г. Д.И. Рублёв

¹ См.: Петроградская федерация анархистов. [Пг.], 1923 // International Institute of Social History (IISH), Amsterdam. *Fleishin papers*. F. 84; *Липоткин Л.* Русское анархическое движение в Северной Америке. Исторические очерки // *Ibid.* *Lipotkin papers*. В. 1.; *Дрикер Н.* Херсонская каторга в дни войны // Каторга и ссылка. Киев, 1924. С. 71–80; *Худолей В.* Воспоминания анархиста // Волна. 1923. № 46. С. 32–37; *он же.* Анархические течения накануне 1917 года // Михаилу Бакунину. 1876–1926: Очерки истории анархического движения в России. М., 1926. С. 314–322; *Максимов Г.П.* В годы войны (Из записок анархиста) // Летопись революции. Кн. 1. Берлин, 1923. С. 243–268; *Тюханов А.Н.* Палубная походка. М.; Л., 1931.